

Криминологическая характеристика участников вербовочной деятельности: по материалам исследования среди осужденных

ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА ПРОХОРЕНКО

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, prokh-liza@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5415-0412>

Реферат

Введение: статья посвящена криминологической характеристике лиц, занимающихся вербовочной деятельностью. Особое внимание уделяется исследованию особенностей личности вербовщика и вербуемого. **Цель** исследования состоит в выявлении структуры организаций, занимающихся вербовочной деятельностью, характерных криминологических особенностей вербовщиков, закономерностей механизма преступного поведения, а также виктимогенных факторов уязвимости вербуемых. Исследование основано на применении социологического интервьюирования и анкетирования, обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием статистического метода. **Методологическую основу** составили методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** на основе анализа судебной практики и проведенного автором интервьюирования 22 осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности раскрывается структура организации, занимающейся вербовочной деятельностью, которая включает организатора, координатора, мотиватора, вербовщика и пособников. Вместе с тем отмечается, что эффективность вербовки обеспечивается четким распределением функциональных ролей и имеет многоуровневый характер. Эмпирически установлено, что основными виктимогенными факторами, повышающими уязвимость к вербовочному воздействию, выступают состояние социально-психологической дезадаптации вербуемого, несформированность ценностных ориентиров и критического мышления, ограниченность кругозора и дефицит содержательного досуга. Данные факторы целенаправленно эксплуатируются вербовщиками, которые независимо от уровня подготовки отличаются развитыми коммуникативными способностями, психологической гибкостью и устойчивой приверженностью интересам преступного объединения. Выявлена закономерность перехода завербованных лиц к самостоятельной вербовочной деятельности, что свидетельствует о механизме самовоспроизводства преступной структуры. **Выводы:** обоснована необходимость комплексного подхода к предупреждению вербовочной деятельности, сочетающего снижение виктимности потенциальных объектов вербовки с дифференцированным воздействием на самих вербовщиков. Полученные результаты могут служить основой для разработки профилактических мероприятий по противодействию вербовочной деятельности.

Ключевые слова: вербовочная деятельность; личность вербовщика; вербуемый; вербовка; виктимогенные факторы; виктимность; организованная преступность; предупреждение преступности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Прохоренко Е. С. Криминологическая характеристика участников вербовочной деятельности: по материалам исследования среди осужденных // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 3 (75). С. 304–311. doi 10.46741/27132811.2026.75.3.009.

Original article

Criminological Characteristics of Individuals Engaged in Recruitment Activities: An Empirical Study Based on a Sample of Inmates

ELIZAVETA S. PROKHORENKO

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, prokh-liza@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5415-0412>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the criminological characteristics of individuals engaged in recruitment activities. Special attention is paid to the study of personality traits of the recruiter and the person being recruited. The *purpose* of the study is to identify the structure of organizations engaged in recruitment activities, the characteristic criminological features of recruiters, patterns of the mechanism of criminal behavior, as well as the victimogenic factors that make the recruited persons vulnerable. The study is based on the use of sociological interviews and questionnaires; the empirical data are processed using a statistical method. *The methodological basis* consisted of methods of formal and dialectical logic. *Results:* based on the analysis of judicial practice and the survey of 22 individuals convicted of terrorism and extremism-related crimes, the structure of the organization engaged in recruitment activities is revealed. The typical composition includes an organizer, a coordinator, a motivator, a recruiter, and accomplices. At the same time, it is noted that the effectiveness of recruitment is ensured by a clear distribution of functional roles and has a multi-level nature. Empirically, it has been established that the main victimogenic factors that increase vulnerability to recruitment influence are the state of socio-psychological maladjustment of the recruit, the underdeveloped nature of value orientations and critical thinking, limited horizons, and a lack of meaningful leisure activities. These factors are deliberately exploited by recruiters, who, regardless of their level of training, are characterized by well-developed communication skills, psychological flexibility, and a strong commitment to the interests of the criminal association. The author has identified a pattern whereby recruited individuals go on to conduct recruitment activities independently – effectively revealing a mechanism of the criminal structure's self-reproduction. *Conclusions:* the author proves the need for a comprehensive approach to preventing recruitment activities that combines the reduction of the victimization of potential recruitment targets with the differentiated impact on recruiters. The results obtained can serve as the basis for developing preventive measures to counter recruitment activities.

Key words: recruitment activities; personality of the recruiter; recruited person; recruitment; victimogenic factors; victimization; organized crime; crime prevention.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Prokhorenko E.S. Criminological characteristics of individuals engaged in recruitment activities: an empirical study based on a sample of inmates. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 3 (75), pp. 304–311. doi 10.46741/27132811.2026.75.3.009.

Введение

Изучение личности преступника занимает центральное место в криминологии и относится к числу фундаментальных проблем, разрабатываемых представителями различных научных школ [1, с. 56]. Как известно, одним из первых самостоятельных исследований в советской криминологии, посвященных проблеме личности преступника, стала монография А. Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» [2], которая заложила теоретическую основу для дальнейшего изучения проблем, связанных с причинами индивидуального преступного поведения. Исследуя природу преступности, советский криминолог обосновал положение, согласно которому социальные условия, в том числе неблагоприятные, воздействуют на индивида через его индивидуально-психологические особенности, систему усвоенных ценностей и приобретенный жизненный опыт. Иначе говоря, одна и та же социальная среда различным образом сказывается на поведении лиц, где одни под ее влиянием формируют устойчивые антиобщественные установки, другие – сохраняют правомерное поведение.

Следовательно, для понимания причин преступности необходимо учитывать не только безусловно значимые общие факторы, детерминирующие преступное поведение, но и то, как формируются нравственно-психологические особенности личности в процессе ее становления, обуславливающие склонность к противоправному поведению.

В коллективной монографии «Личность преступника», подготовленной Всесоюзным институтом по

изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под редакцией В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского и А. Б. Сахарова [3], проблема личности преступника получила дальнейшее развитие. В данном исследовании изложены и систематизированы теоретические основы учения о понятии, структуре и классификации личности преступника, раскрыты социальные механизмы ее формирования и основные социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические характеристики личности преступника [4, с. 283].

Отмеченные научные труды не охватывают всего объема криминологических исследований личности преступника. В последующие десятилетия изучение данной проблемы последовательно развивалось, продолжая занимать одно из значимых направлений в работах ведущих советских и российских ученых-криминологов. Существенный вклад в исследование личности преступника внесли Е. А. Антонян [5], Ю. М. Антонян [5–8], А. И. Долгова [9; 10], М. И. Еникеев [6], Н. Ф. Кузнецова [11; 12], В. В. Лунеев [13], И. М. Мацкевич [14], В.В. Меркурьев [15], В.Е. Эминов [6; 7] и другие авторы, чьи теоретические и эмпирические исследования во многом определили современное состояние учения о личности преступника.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что исследование механизма вербовочной деятельности не может быть полным без изучения личности ее участников, в особенности личности вербовщика и вербуемого.

В процессе подготовки исследования, посвященного противодействию вербовочной деятельности, автором последовательно проводился сбор эмпирических данных, в результате чего было изучено 420 приговоров судов, проанкетированы 205 работников Следственного комитета, 334 работника прокуратуры Российской Федерации, собраны статистические данные за период с 2020 г. по 2025 г., включая данные о регистрации преступлений, предусмотренных ст. 205, 2051, 2052, 2054, 2055, 208, 212, 280, 281, 2811, 2813, 2821, 2822 УК РФ.

Отдельную часть эмпирической базы составили результаты социологического интервьюирования 22 осужденных (15 мужчин и 7 женщин), отбывающих наказание за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 2051, 2052, 2053, 2055, 208, 2101, 214, 2221, 278, 281, 2813, 282, 2822, 2823 УК РФ, включая действия, связанные с вербовкой.

В представленной статье полученные результаты обобщены и систематизированы.

Основная часть

В широком понимании вербовочная деятельность не может сводиться лишь к совокупности уголовно наказуемых деяний, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ. Она представляет собой более широкую систему умышленных общественно опасных действий, охватывающую, в частности, комплекс организационных, информационных, идеологических фоновых мероприятий [16, с. 65].

Эффективность вербовочной деятельности обусловлена, прежде всего, ее коллективным характером и может быть обеспечена исключительно совместными усилиями ее участников, распределяющих между собой функциональные обязанности. Проведенный автором анализ приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции по уголовным делам в отношении лиц, причастных к привлечению третьих лиц к участию в террористической и экстремистской деятельности, позволяет выделить устойчивую структуру, включающую следующие основные роли: организатор, координатор, мотиватор, вербовщик (непосредственный исполнитель) и пособник (привлеченное лицо). Каждая из этих ролей вносит самостоятельный вклад в достижение преступного результата, что необходимо учитывать при построении системы предупреждения вербовочной деятельности.

Организатор выполняет системообразующую функцию, которая включает в себя разработку общей стратегии вербовочной деятельности, координацию направлений, определение целевых установок преступного объединения и методов его функционирования, а также финансирование процессов, обеспечивающих устойчивость и развитие преступной структуры. Как подчеркивается в научной литературе, личность организатора (руководителя) преступного формирования выступает важным элементом характеристики террористической организации, а его личностные особенности и характер действий во взаимосвязи с социальной средой предопределяют закономерности создания, устойчивости и функционирования всей преступной структуры [17, с. 38].

Показательным примером, иллюстрирующим со-

держание организационной функции в структуре вербовочной деятельности, является приговор Московского окружного военного суда от 18 сентября 2018 г. по делу № 2-36/2018, постановленный в отношении Бабаева М. С., Джанатлиева Ш. М., Газимагомедова Х. А., Махмадалиева Н. Е. и Тукиева З. М.

Как установлено судом, Бабаев М.С. совместно с Джанатлиевым Ш.М. не позднее мая 2016 г. организовали на территории Москвы структурное подразделение международной террористической организации «Исламское государство» (МТО «ИГ») (деятельность МТО «ИГ» по решению Верховного Суда Российской Федерации признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации). При этом Джанатлиев Ш. М. выполнял в интересах террористической организации организационно-управленческие функции, включавшие распределение ролей между участниками, вовлечение новых членов, материальное обеспечение, решение текущих вопросов деятельности и организацию вербовки (Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2019 г. № 201-АПУ18-55 по делу № 2-36/2018).

Координатор выполняет роль связующего звена между исполнителями и организаторами, что предопределяет его значимость в преступной структуре. Его функции заключаются в получении установок от организатора, их трансляции исполнителям, обеспечении связи между отдельными структурными звеньями, а также сборе и передаче обратной информации о ходе вербовочного процесса. Вместе с тем координатор обеспечивает степень конспирации, которая позволяет дистанцировать организатора от непосредственного взаимодействия с иными лицами.

Мотиватор осуществляет пропаганду в отношении потенциальных кандидатов на вербовку, формируя у широкой аудитории мотивацию и заинтересованность к дальнейшей преступной деятельности. В частности, посредством публикации в социальных сетях и мессенджерах предложений о быстром заработке денежных средств мотиватор привлекает потенциальных рекрутов, что выступает одним из первых этапов реализации вербовочной деятельности, последовательно переходящий в индивидуальную обработку вербовщиками конкретного кандидата, откликнувшегося на такое предложение и попавшего в вербовочную сеть. В свою очередь, мотиватор является лишь поставщиком потенциальных целей для вербовщика. Кроме того, роль мотиватора заключается в поддержании внутренней сплоченности среди действующих участников преступного формирования, в том числе завербованных лиц, вступивших в состав такого формирования.

Вербовщик (непосредственный исполнитель) является центральной фигурой, непосредственно осуществляющей вовлечение лиц в преступное объединение либо подталкивающей к совершению противоправных действий. Его деятельность носит сложный, поэтапный характер и включает поиск потенциальных кандидатов, оценку личности вербуемого, в том числе выявление его уязвимостей и

потребностей, применение избранных методов психологического и иного воздействия и, наконец, реализацию вербовки.

Анализ приговоров позволяет классифицировать вербовщиков с точки зрения уровня профессионализма и используемых методов: агенты специальных (зарубежных) служб, действующие в рамках государственных разведывательных программ; профессиональные вербовщики, обладающие глубокими знаниями психологии манипуляции и способные к импровизации; любители, чья деятельность строится по шаблонным алгоритмам (скриптам) и ориентирована на массовое воздействие. При этом независимо от уровня подготовки всех вербовщиков объединяет устойчивая приверженность интересам преступного объединения, в основе которой лежат идеологическая мотивация либо стремление к получению материального вознаграждения.

Пособники (привлеченные лица) составляют группу, обеспечивающую функциональное сопровождение вербовочного процесса посредством предоставления необходимых услуг и ресурсов. В зависимости от характера выполняемых функций среди них можно выделить лиц, реализующих:

- технические функции (обеспечение коммуникации в виде организации каналов связи, предоставления электронных средств и материально-технического снабжения);
- информационные функции (сбор и анализ данных, обеспечение конспирации);
- идеологические функции (создание и адаптация пропагандистских материалов, обеспечение идеологического обоснования деятельности).

Анализ материалов уголовных дел позволяет выделить по уровню организованности следующие структуры, занимающиеся вербовочной деятельностью: спонтанные, низкоорганизованные, организованные и высокоорганизованные. Важно отметить, что в зависимости от масштабов и численности преступного формирования вербовщик может выполнять одновременно функции других вышеперечисленных участников вербовочной деятельности, что особенно характерно для небольших ячеек или преступных групп, существующих на начальных этапах формирования.

В качестве примера показательным является следующий случай совмещения функций мотиватора и вербовщика в одном лице. Так, А., являющийся сторонником деятельности МТО «ИГ» (Решением Верховного Суда Российской Федерации организация «Исламское государство» («Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») признана террористической и ее деятельность запрещена на территории России), разместил в условиях, обеспечивающих всеобщий доступ (на своей персональной странице «ВКонтакте»), личные обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности. Одновременно, реализуя преступный умысел, направленный на вербовку лиц в террористическую деятельность МТО «ИГ», он же в специализированном приложении для обме-

на сообщениями «Telegram» вступил в личную переписку с С. и направил ей сообщения, призывающие к ведению вооруженных действий и финансированию терроризма, обосновывая при этом значимость борьбы с лицами, не разделяющими идеологию МТО «ИГ» (Архив 1-го Восточного окружного военного суда за 2021 г. Дело № 1-58/2021).

Таким образом, преступные действия непосредственного исполнителя вербовки представляют собой лишь финальную, видимую стадию сложной и структурированной деятельности, в основе которой лежит многоуровневая система подготовки, планирования и координации процесса вовлечения лиц в противоправную деятельность. Понимание этой структуры представляет особую значимость для разработки эффективных мер криминологического и уголовно-правового предупреждения исследуемого негативного социального и правового явления.

Переходя к криминологической характеристике личности самого вербовщика, следует отметить ее выраженную вариативность, обусловленную как индивидуальными психологическими особенностями, так и принадлежностью к конкретному преступному объединению. Это исключает возможность формирования единого криминологического портрета, поскольку личностные характеристики неразрывно связаны с функциональной ролью в преступной иерархии и спецификой деятельности преступной организации.

Вместе с тем анализ результатов психологических обследований лиц, осужденных за вербовку в террористическую и экстремистскую деятельность, показывает, что для них, как правило, характерны высокоразвитые коммуникативные способности, умение располагать к себе собеседника и гибко адаптироваться к его психологическим особенностям. Наряду с этим среди характерных особенностей личности вербовщика доминируют лидерские качества, решительность, уверенность в собственных силах, сочетающиеся с низкой восприимчивостью к социальной угрозе и отсутствием выраженных страхов. Обращает на себя внимание противоречивое сочетание автономности и зависимости от мнения референтной группы. С одной стороны, вербовщики склонны к самостоятельности и находчивости, а с другой – подвержены влиянию значимого окружения, включая вышестоящих организаторов. В межличностной сфере преобладают рациональность, эмоциональная отстраненность, способность к гибкому поведению, нередко сопряженные с агрессивностью, настойчивостью и прагматическим поиском выгоды.

На основании изложенного под личностью вербовщика предлагается понимать лицо, занимающее активную позицию в механизме воспроизводства преступной деятельности, которое в силу присущих лидерских качеств, интеллектуальных способностей, гибкости мышления, харизмы, эмоциональной устойчивости, низкой восприимчивости к социальной угрозе и одновременно выраженной зависимости от норм преступного объединения систематически и умышленно осуществляет в его интересах функции по целенаправленному поиску, отбору и вовлечению

новых участников, используя различные способы воздействия на волевую сферу вербуемого.

Особый интерес представляет взаимодействие вербовщика и вербуемого, то насколько уязвимыми являются вербуемые и к каким способам воздействия они наиболее восприимчивы.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство завербованных лиц на момент вовлечения в преступную деятельность находились в состоянии выраженной социально-психологической дезадаптации. Прежде всего, эта закономерность находит свое отражение в динамике роста террористических преступлений, совершенных несовершеннолетними, на что обратил внимание Генеральный прокурор Российской Федерации А. В. Гуцан [18]. Психологическая неустойчивость, обостренная потребность в признании и принадлежности к социуму, а также поиск идентичности и склонность к категоричным суждениям обуславливают повышенную восприимчивость молодого поколения к манипуляциям и деструктивным предложениям.

Например, несовершеннолетний Т., осужденный по ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205, п. «а», «в» ч. 3 ст. 222 УК РФ, в ходе интервью сообщил, что его знакомство с вербовщиком произошло на платформе цифрового распространения компьютерных игр «Steam», после чего общение продолжилось в защищенном мессенджере «Signal». Злоумышленник на протяжении длительного времени целенаправленно эксплуатировал нестабильное эмоциональное состояние подростка, обусловленное сложными отношениями в семье, конфликтами со сверстниками и педагогами, вынужденным переводом на домашнее обучение, хронической усталостью от учебы и ночных подработок, а также нехваткой денежных средств. Как пояснил сам осужденный, именно отчаяние и внутренний конфликт, обозначенный им как «жизнь на автомате», сделали его уязвимым для манипуляции. Вербовщик умело использовал доверительное общение и обещание крупного денежного вознаграждения, а также создал у несовершеннолетнего иллюзию, что перемещение взрывного устройства не представляет общественной опасности. Примечательно, что Т. воспринимал предложение не только как способ заработка, но и как личный вызов, позволяющий доказать собственную финансовую независимость.

Сходные механизмы воздействия прослеживаются и в других случаях. Так, осужденный А., признанный виновным в участии в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), был завербован лицом, с которым его связывали длительные дружеские отношения. По словам осужденного, вербовка осуществлялась латентно, при регулярном посещении мечети и сопровождалась обсуждением теологических вопросов. Вербовщик на протяжении года предоставлял респонденту соответствующую литературу и проводил целенаправленные беседы, не прибегая к прямому давлению. При этом потребность осужденного в углубленных религиозных знаниях и отсутствие в близком окружении авторитетного духовного наставника стали решающими

факторами, обусловившими его вовлечение в криминальную среду.

Показательно, что впоследствии осужденный сам занялся поиском новых сторонников, распространяя информацию о деятельности организации, однако свою роль оценивал как сугубо информационную, отрицая причастность к вербовке. Аналогичной позиции придерживаются и другие опрошенные, ранее выполнявшие вербовочные функции. Все они настаивали на добровольном характере присоединения новых членов, а собственную деятельность характеризовали как проповедь, информирование и разъяснение внутригрупповых правил. Примечательно, что вопреки очевидной логике осужденные не хотят признаваться даже самим себе в том, что они занимались вербовочной деятельностью. Объяснить это можно, по всей видимости, тем, что вербовочная деятельность, по их оценкам, это деятельность сугубо криминальная, чем она в действительности, безусловно, является, а они рассматривали себя как неких борцов за идею. Как справедливо указывает Ю. Е. Суслов, лица, вовлекаемые в экстремистскую деятельность, нередко сами становятся вербовщиками, что подтверждает динамичный характер их криминальной роли [19, с. 165].

Индивидуальные характеристики личности вербовщика и вербуемого во многом определяют выбор конкретных способов вербовки. Полученные автором эмпирические данные свидетельствуют, что материальная заинтересованность далеко не всегда выступает основным мотивом согласия вербуемых на участие в преступной деятельности. Показательным в этом отношении является уголовное дело в отношении М., осужденной за совершение преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела М. совершила поджог автомобиля по заданию лиц, действовавших в интересах украинских спецслужб. В ходе интервью осужденная пояснила, что к совершению указанных действий ее склонил брат, который обещал за выполненное задание вознаграждение до тысячи долларов США. Однако, по ее признанию, решающее значение при принятии решения совершить преступление имели не корыстные побуждения, а личная привязанность к вербовщику (брату) и нежелание продемонстрировать слабость и нерешительность перед ним, поскольку на протяжении всей жизни он для нее был непререкаемым авторитетом. Не менее показательно и то, что осужденная не осознавала в полной мере общественную опасность совершаемых действий, не думала о тех неблагоприятных последствиях, которые могли наступить в результате ее преступных действий. Соответственно, она не допускала самой возможности применения к ней наказания в виде реального лишения свободы, что лишний раз показывает, насколько можно манипулировать вербуемым, насколько глубока деформация правосознания у граждан, особенно у несовершеннолетних.

Как отмечает С. Б. Калинин, уже на первоначальном этапе поиска потенциальных кандидатов вербовщики подвергают детальному изучению актуальные потребности человека. Отсутствие осознанных

жизненных ориентиров выступает при этом одним из решающих факторов виктимизации, поскольку оно существенно облегчает заполнение мировоззренческого пространства личности привлекательными, но деструктивными идеями, исходящими от вербовщика [20, с. 2].

В научной литературе обоснованно указывается, что основу информационного воздействия, оказываемого вербовщиками, составляют искажение фактов, эксплуатация неосведомленности или недостаточной образованности граждан, нередко обусловленной возрастом или иными субъективными факторами [21, с. 383].

Так, на поставленный автором вопрос о содержательных увлечениях и предпочитаемой литературе развернутый ответ смогли дать лишь 18 % опрошенных. Большинство респондентов затруднились ответить либо ограничились формальными, поверхностными суждениями (в качестве увлечений чаще всего фигурировали компьютерные игры, а из литературных источников упоминалась исключительно запрещенная литература, распространяемая в преступном формировании).

Обобщение эмпирических данных позволяет выделить типичные группы риска среди потенциальных объектов вербовки:

- лица с несформированной идентичностью и мировоззренческой лабильностью (прежде всего из молодежной среды);
- лица в условиях социальной и пространственной изоляции;
- лица, переживающие глубокий психологический кризис вследствие тяжелых жизненных обстоятельств.

Помимо перечисленных факторов, к числу обстоятельств, повышающих уязвимость лица к вербовочному воздействию, следует отнести также неразвитость критического мышления, ограниченность кругозора и отсутствие содержательного досуга. Отсутствие у индивида собственных ценностных ориентиров и устойчивых познавательных интересов закономерно лишает его способности к критической оценке поступающей и навязанной извне информации. Как следствие, это приводит к формированию восприимчивости к транслируемым вербовщиком простым, но эмоционально насыщенным идеям, которые не подвергаются сомнению и анализу.

Заключение

Анализ полученных автором эмпирических данных позволил выявить ряд закономерностей, характеризующих личность как вербуемого, так и вербовщика, а также механизмы их взаимодействия. В частности, основными виктимогенными факторами, повышающими уязвимость к вербовочному воздействию, выступают состояние социально-психологической дезадаптации, несформированность ценностных ориентиров и критического мышления, а также ограниченность кругозора и дефицит содержательного досуга. Перечисленные факторы уязвимости целенаправленно эксплуатируются вербовщиками, которые независимо от уровня подготовки демонстрируют высокоразвитые коммуникативные способности,

гибкость и устойчивую приверженность интересам преступного объединения.

Существенное значение имеет выявленная закономерность перехода завербованных лиц к самостоятельной вербовочной деятельности. Данное обстоятельство, подтвержденное как эмпирическими данными, так и научными источниками, указывает на наличие механизма самовоспроизводства преступной структуры, при котором жертва вербовки со временем трансформируется в ее активного субъекта.

Вышеизложенное свидетельствует, что эффективное предупреждение вербовочной деятельности требует комплексного подхода, сочетающего общие и специальные меры по снижению виктимности потенциальных объектов вербовки (прежде всего, через развитие критического мышления формирование устойчивых ценностных ориентиров, расширение кругозора, включая правовые знания, получение практических знаний по психологически устойчивому поведению).

На наш взгляд, с целью развития критического мышления и правовой грамотности меры профилактики вербовочной деятельности должны быть основаны на обеспечении доступности образования, в том числе расширении бюджетных мест в организациях среднего профессионального и высшего образования, внедрении в образовательные программы (школ, колледжей, вузов) обязательных модулей по медиаграмотности, логике и основам юридической безопасности. Особое внимание следует уделить обучению распознаванию манипулятивных техник при взаимодействии в социальных сетях и мессенджерах, поскольку информатизация неизбежно детерминирует новые изощренные формы вербовочной деятельности в информационном пространстве.

Вместе с тем необходимо отметить важность расширения сети бесплатных психологических служб и кризисных центров для возможности обращения за помощью лицам, проживающим психологический кризис, что позволит снизить виктимность наиболее уязвимых категорий граждан до того, как вербовщик установит с ними доверительное межличностное взаимодействие и склонит к совершению преступления. При этом необходимо обеспечить обучение педагогов и социальных работников раннему выявлению признаков дезадаптации и рисков склонности к повышенной внушаемости навязчивых идей третьими лицами.

Следует подчеркнуть значимость расширения кругозора и формирования ценностных ориентиров, особенно у несовершеннолетних и молодежи, посредством создания государственных и общественных социальных проектов, предлагающих содержательный досуг (спортивные секции, волонтерство, творческие мастерские, дискуссионные клубы), что актуально в условиях массового нарастания деструктивного контента в информационном поле. Обеспечение мер предупреждения вербовочной деятельности должно быть ориентировано на снижение виктимности населения государства, что будет способствовать снижению уровня преступности в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сахаров А. Б. Научковедческие вопросы советской криминологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 1. С. 51–57.
2. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступника в СССР. М., 1961. 279 с.
3. Личность преступника / под ред. В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова. М., 1975. 272 с.
4. Акчурин А. В. Предпосылки возникновения и развитие современных представлений о личности преступника // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43, № 2. С. 279–286.
5. Личность преступника и профилактика преступлений : моногр. / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2017. 220 с.
6. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. 336 с.
7. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование : моногр. М., 2026. 378 с.
8. Антонян Ю. М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди : моногр. М., 2013. 311 с.
9. Личность организованного преступника: криминологическое исследование : моногр. / под ред. А. И. Долговой. М., 2022. 268 с.
10. Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А. И. Долговой. М., 2018. 195 с.
11. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
12. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1984. 208 с.
13. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения / [Предисл. В. Н. Кудрявцева]; АН СССР, Ин-т государства и права. М., 1991. 382 с.
14. Мацкевич И. М. Личность преступного типа (нематематическое регулирование) // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 5. С. 509–520.
15. Личность участника террористической деятельности : моногр. / под общ. ред. В. В. Меркурьева. М., 2022. 368 с.
16. Прохоренко Е. С. Противодействие вербовочной деятельности: уголовно-правовые и криминологические вопросы // Российский следователь. 2025. № 9. С. 60–66.
17. Васнецова А. С. Криминологическая характеристика организаторов и участников организационных преступных формирований террористической направленности (первый этап криминологического исследования) // Полицейская деятельность. 2020. № 6. С. 37–63.
18. Число вовлеченных в терроризм подростков кратно возросло, заявил Гуцан. URL: <https://ria.ru/20260319/gutsan-2081749617.html> (дата обращения: 01.05.2026).
19. Суслов Ю. Е. Психологический профиль преступника-экстремиста и его потенциальной жертвы в условиях киберпространства // Виктимология. 2023. № 2. С. 162–170.
20. Калинина С. Б. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 2 (15). С. 1–4.
21. Щеглов А. В. Противодействие методам вербовки в религиозные экстремистские организации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 382–388.

REFERENCES

1. Sakharov A.B. Scientific Issues in Soviet Criminology. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Legal Studies*, 1984, no. 1, pp. 51–57. (In Russ.).
2. Sakharov A.B. *O lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnika v SSSR* [On the personality of the criminal and the causes of criminality in the USSR]. Moscow, 1961. 279 p.
3. *Lichnost' prestupnika* [Personality of the offender]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Min'kovskii G.M., Sakharov A.B. Moscow, 1975. 272 p.
4. Akchurin A.V. Prerequisites for the emergence and development of modern concepts of the offender's personality. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 2018, vol. 43, no. 2, pp. 279–286. (In Russ.).
5. *Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenii: monogr.* [Criminal identity and crime prevention: monograph]. Ed. by Antonyan Yu.M. Moscow, 2017. 220 p.
6. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Ehminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovanie prestuplenii* [Psychology of a criminal and investigation of crimes]. Moscow, 1996. 336 p.
7. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie: monogr.* [Personality of the offender. Criminological and psychological study: monograph]. Moscow, 2026. 378 p.
8. Antonyan Yu.M. *Teoriya chelovecheskoi agressii. Pochemu zhestoki lyudi: monogr.* [Theory of human aggression. Why people are cruel: monograph]. Moscow, 2013. 311 p.
9. *Lichnost' organizovannogo prestupnika: kriminologicheskoe issledovanie: monogr.* [The personality of an organized criminal: criminological study: monograph]. Ed. by Dolgova A.I. Moscow, 2022. 268 p.
10. *Lichnost' prestupnika i ee kriminologicheskoe izuchenie* [Personality of the criminal and its criminological study]. Ed. by Dolgova A.I. Moscow, 2018. 195 p.
11. Kuznetsova N.F. *Prestuplenie i prestupnost'* [Crime and criminality]. Moscow, 1969. 232 p.
12. Kuznetsova N.F. *Problemy kriminologicheskoi determinatsii* [Problems of criminological determination]. Ed. by Kudryavtsev V.N. Moscow, 1984. 208 p.
13. Luneev V.V. *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of criminal behavior]. Moscow, 1991. 382 p.
14. Matskevich I.M. Personality of a criminal type (non-mathematical regulation). *Lex Russica = Russian Law*, 2013, vol. 95, no. 5, pp. 509–520. (In Russ.).
15. *Lichnost' uchastnika terroristicheskoi deyatel'nosti: monogr.* [Personality of a participant in terrorist activity: monograph]. Ed. by Merkur'ev V.V. Moscow, 2022. 368 p.

16. Prokhorenko E.S. Countering recruitment activities: criminal law and criminological issues. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2025, no. 9, pp. 60–66. (In Russ.).
17. Vasnetsova A.S. Criminological characteristics of organizers and participants in organized criminal groups with a terrorist focus (the first stage of a criminological study). *Politseiskaya deyatel'nost' = Police Activity*, 2020, no. 6, pp. 37–63. (In Russ.).
18. *Chislo вовлечennykh v terrorizm podrostkov kratno vzroslo, zayavil Gutsan* [The number of teenagers involved in terrorism has increased many times over, Gutsan stated]. Available at: <https://ria.ru/20260319/gutsan-2081749617.html> (accessed May 1, 2026).
19. Suslov Yu.E. Psychological profile of an extremist criminal and their potential victim in the context of cyberspace. *Viktimologiya = Victimology*, 2023, no. 2, pp. 162–170. (In Russ.).
20. Kalinina S.B. Psychological methods of recruiting young people into terrorist organizations. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*, 2018, no. 2 (15), pp. 1–4. (In Russ.).
21. Shcheglov A.V. Countering methods of recruitment into religious extremist organizations. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 2, pp. 382–388. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА ПРОХОРЕНКО – аспирант факультета научных и научно-педагогических кадров Университета прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, prokh-liza@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5415-0412>

ELIZAVETA S. PROKHORENKO – postgraduate student at the Faculty of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, prokh-liza@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5415-0412>.

Статья поступила 15.06.2026